

ФОРМУЛА УСПЕХА

Э. РАДЗИНСКИЙ: «ПОНЯТЬ ЕГО ЧЕРТЕЖ...»

Книги, вышедшие из-под пера этого писателя, — всегда популярны, как и сам автор, наделенный редким даром говорить так, как он пишет. Э. Радзинский — писатель и драматург, способный увлечь любого читателя его романами и пьес. В его новой книге «Сталин» (М.: ВАГРИУС, 1997. — 638 с. 150 000 экз.) наше прошлое оживает. Загадочное, но небесмысленное. Феномен Сталина привлекал многих писателей, историков, политологов, наконец. Плоды их труда — бесчисленное количество книг, посвященных «Сталину-политику», «Сталину-убийце», «Сталину-учителю» и т.д. Сталина-человека там нет — или почти нет, нет попытки разгадать «чертеж Бога». Радзинский, как он выразился сам, попытался. Эдвард Станиславович согласился рассказать читателям «КО» о своем новом романе, его герое, а также о некоторых метаморфозах, свойственных «фантастическому реализму».

— Близится конец века. Герой вашей книги имеет к веку уходящему самое непосредственное отношение. Время Хозяина — какое оно?

— Это огромная страна и пришедший в нее человек, который занимался тем же, чем и его предшественник, то есть усмирением. Революция — это волна, это Степан Разин, который выходит из скалы. Вы знаете, наверное, этот образ и идею: время от времени — в дни очередной нашей смуты — он открывает скалу и выходит. И в 17-м году, как в XVII веке, он в очередной раз открыл эту скалу и вышел. И явил миру великий русский

бунт, не такой уж бессмысленный, но такой беспощадный. Но страну легко раскатыть, а вот как усмирить ее... Поэтому дальше началась очень серьезная история, очень серьезная. Февральская революция поставила простую задачу: уход из авторитарной системы, то есть переход из Азии в Европу. Он не совершился. Не совершился потому, что пришли другие люди, которые создали новую автократию, автократию большевистскую.

Причем начали ее строить люди, которые отрицали в корне автократию. Владимир Ильич — великий русский радикал. Говорят, что он обожал власть. Он обожал власть для чего-то. По его замыслу, его власть должна была уничтожить не только капиталистическое государство, но, в конечном итоге, государство вообще, уничтожить армию и создать бесклассовое общество. И получилось... Получилось самое мощное государство, самая мощная армия, самые высокооплачиваемые чиновники и так далее. Почему это произошло? Ведь главный вопрос России не «что делать?». А вечный и неразрешимый наш вопрос — «почему?» Почему «хотим как лучше, а выходит — как всегда»? 80 лет мучений и крови, и репрессий, чтобы уйти из капитализма и прийти... к капитализму! Почему? И вот мы опять на распутье и «куда же нам плыть»?.. Поэтому создаются такие книги. Эта книга не политический портрет и не политический опыт. На ней надо было написать «предмет для размышления». Всего лишь. Подошла ко мне сегодня женщина и говорит: «Вы знаете, я сталинистка, а мой муж ужасный антисталинист». И протягивает мне две книги — чтобы подписал им обоим. И, я вас уверяю, они оба найдут там нужное для себя, ибо это — всего лишь объективная биография человека, жизнь которого — роман. Роман о Сталине. В чем разница между этой книжкой и, предположим, другими его биографиями? Не в том, что она лучше или хуже написана, это выяснит впоследствии. Разница в другом. Как правило, подобные исторические книжки идеологичны. Начинает писать, допустим, Волкогонов свою книгу о Сталине. (Волкогонов замечательный человек, и потому что он себя преодолел, и потому что он вел в «исторический оборот» множество новых источников.) Но он еще до начала книги — ВСЕ знает, ибо у

него твердая идеологическая задача: Сталин — монстр, Ленин — хороший. Потом у него появится новая задача: Ленин — монстр, и он ее тоже выполняет, не потому, что врет, — он просто определенным образом начинает читать источники. Он до начала книжки все знает, так же как, допустим, американские или немецкие советологи. Они идеологичны как была идеологична наша система, которую они изучали. Они будто заразились от нее. Они до начала работы знают ее итог. Моя задача была в том, чтобы ничего не знать. Начать с белого листа. Пройти с ним всю свою жизнь и попытаться понять его ПСИХОЛОГИЮ И ВОССТАНОВИТЬ ЕГО ЛОГИКУ. Но его логику — а не мой придуманную и исходящую из насущных задач сегодняшнего дня. Например, почему человек истребляет партию, которая стоит перед ним на коленях? Было популярное и частое объяснение: Сталин кровавый идиот и параноик. Это избавляло от размышлений. Только, было трудно понять, почему же этот шизофреник и идиот обыграл и Черчилля, и Рузвельта и сумел создать гигантскую империю. В чем дело? Почему этому параноику так все удавалось? Сталин мог таить по 30 лет свои планы и потом их странно осуществлять, как будто играя партию на сорок ходов вперед. «Горе тому, кто станет жертвой столь медленных челюстей». Параноик многое может — он может написать даже гениальные стихи, но сыграть в политическую нудную многоходовую игру он не может. Для этого нужен целый ряд построений, часто примитивных, но для подобных комбинаций надо иметь особый мозг. И когда сторонники Сталина называют его «государственником» — они правы. Только весь вопрос в том, к чему привело его великое государство, каково в нем было жить людям. Не очень хорошо, так скажем. Но парадокс в том, что сейчас многим из них искренне кажется, что было хорошо. Почему? Ну хотя бы потому, что тогда они бегали, а сейчас медленно ходят, и с палкой. Что делать, молодость, даже бесправная и голодная, удобнее старости. И воспоминания побеждают реальность.

— Роман «Сталин» основан на реальных исторических событиях, порой до такой степени причудливых, загадочных и страшных, что невольно возникает вопрос: а было ли это на самом деле? Кажется, что «фантастический реализм» — термин наиболее подходящий для опре-

деления вашей новой книги.

— Давайте шутить. Вот Маркес, к примеру. Маркес пишет в «фантастическом реализме». Мысль правдивая, но только для тех, кто никогда не бывал в Мексике. Я был в этой стране и знаю, что он пишет в реализме. Когда вы видите мексиканца и он говорит вам, обещая что-то, любимое мексиканское слово «маньяна», что означает «завтра», он это — ни завтра и вообще никогда делать не собирается, но при этом он верит, что уже сделал. То, что у нас, в нашем опасном климате, где все время идет снег, называется «фантастический реализм», в стране, где жарко, мексиканцам — реализм. И Иосиф Виссарионович — это тоже реализм. Не фантастический. Это наш снежный реализм. Но в той же Мексике этот реализм становится фантастическим. Потому что, когда мексиканцам объясняешь, что человек спокойно истребляет десятки миллионов, а вся страна при этом славит его имя, они думают, что это — фантастика!

— «Задачи литературы покрыты тайной. Иначе — словесная игра», — сказал один умный человек. Вы согласны с этим высказыванием?

— Каждый раз, когда я слышу высказывание умного человека, понимаю, как я глуп. Все эти мысли замечательные не входят в мое сознание. Мое несчастное сознание заполнено только проблемой романа XX—XXI веков. Этот роман абсолютно условен, потому что вроде человека в нем и не было. Перед нами всего лишь литературный герой... а кажется, что он был, — и я все время доказываю это при помощи источников. При этом присутствует двойное сознание, я все время себя ловлю. Вся игра, если вы заметили, построена на моем присутствии: иду за безусловным персонажем, как господин Пиранделло. Пытаюсь его поймать все время. Вся моя игра — ловля бабочки, которая улетает. А может, ее и вовсе нет. В конце романа я начинаю понимать смысл блуждания по этим лабиринтам. Руководящая идея моего романа очень проста: был построен очередной Вавилон — самый великий, и был он разрушен в одно мгновение. Ибо воздвигнут был на крови. А на крови строить бессмысленно, это будет город на песке. Ведь вся Библия состоит из очень простых мыслей, справедливость которых мы постигаем сво-

ими сложными жизнями, своими сложными поступками. Единственное, чем я пытаюсь заняться, — это разгадывать Его чертеж. Он есть в каждой человеческой судьбе и в судьбе народов. Самое волнующее, когда вы будто постигаете этот смысл и понимаете: нет, там есть еще какой-то другой, высший смысл. Иначе зачем все эти народные страдания, эта кровь?

— Может ли литература влиять на сознание человека так, что текст кажется реальнее собственного бытия?

— Вы сами знаете, ответ — в нашей стране — бесспорно. Потому что в нашей стране за слово убивают, слово поднимает толпы, слово ненавидят и слово очень любят. Нормальное, шутивное западное отношение к слову в стране, где Власть столетиями сражалась со словом и за слово гибли люди, невозможно. Пока. Наша страна — особенная страна, и изменить ее трудно. «Сколько дерево не красить, будет дерево зеленым».

М.МИШУРОВСКАЯ.

Р.С. Да, загадки бывают разные: сложные и не очень. Новый роман Э. Радзинского — достойный «предмет для размышления». Автор подталкивает нас к работе мозга и заставляет вспоминать «железное уравнение»: память, мышление, речь в сумме своей есть интеллект. Хотя знание, единственный путь к мудрости, как правило, все же не может избавить человека от совершаемых им ошибок. Мы совершаем и исправляем наши ошибки. Три загадочные девицы — Прошлое, Настоящее и Будущее — «прядут нить нашей судьбы».

